

Революцию разведка не заметила

О том, что ближайшего союзника ждет неминуемая катастрофа, советские разведчики своего президента не предупредили. Не потому, что хотели утаить — просто ни в КГБ, ни в МИДе сами, кажется, не сознавали, что ГДР исчезает с политической карты мира. Об этой парадоксальной ситуации рассказывает **Леонид Млечин**.

Леонид Млечин

9 ноября 1989 года советские дипломаты и разведчики в Берлине не оценили значение пресс-конференции члена Политбюро и первого секретаря столичного окружкома партии Понтера Шабовски, после которой сотни тысяч восточных немцев ринулись к контрольно-пропускным пунктам, разделявшим город. И о том, что Берлинская стена рухнула, президенту СССР Михаилу Горбачеву доложили на следующее утро. Но все равно еще не сознавали, что социалистическая Германия скоро исчезнет.

Каждый день в шесть утра по аппарату междугородной правительственной ВЧ-связи докладывали в Москву ситуацию. Но попытки прогноза оказались безуспешными. Почему советская разведка, обладавшая в Восточной Германии всеми оперативными возможностями, не смогла предсказать скорый крах ГДР?

Работа под колпаком

Представительство КГБ в ГДР было крупнейшим аппаратом госбезопасности за рубежом. Там находилась Группа советских войск, и ее надо было, говоря профессиональным языком, «обслуживать»: следить, чтобы наших офицеров не завербовали и чтобы они не убежали на Запад.

Наши разведчики использовали ГДР как плацдарм для проникновения в НАТО и для вербовки американцев на территории Западной Германии. Вторая задача — сбор информации о том, как ведут себя друзья — восточные немцы.

Всю информацию о положении в стране представительство КГБ получало официальным путем от местных коллег. Однако же восточные немцы свели к минимуму сообщения о своих секретных операциях, потому что занялись деятельностью, которую хотели бы утаить прежде всего от советских друзей. А Москва, конечно же, хотела знать больше того, что ей считали нужным сообщать немецкие товарищи.

Формально сотрудникам КГБ было запрещено вербовать агентуру среди граждан ГДР. В ЦК КПСС решили, что нельзя шпионить за братьями по социалистическому лагерю. Поэтому в соцстранах создавали разведывательные подразделения, о которых друзья ничего не рассказывали. Председатель КГБ Юрий Андропов распорядился перевести на это направление лучших работников Первого главного управления (внешняя разведка).

В последние годы существования ГДР внутри разведывательного аппарата представительства КГБ сформировали оперативную группу, которая полностью сосредоточилась на анализе положения дел внутри Восточной Германии. В группу, насколько известно, включили разведчиков, которые не были официально представлены немцам как сотрудники КГБ, — тех, кто работал под журналистским или коммерческим прикрытием. Впрочем, руководство разведки это никогда не подтверждало.

Министр госбезопасности ГДР Эрих Мильке не позволял советским коллегам вмешиваться в его дела. Так что сотрудники представительства КГБ в Берлине исходили из того, что немцы за ними присматривают, слушают их телефонные разговоры, ставят аппаратуру в квартирах, и старались не сделать ни одного неосторожного шага.

В западной стране разоблачение разведчика опасно только для него самого: если нет дипломатического паспорта, могут посадить в тюрьму. В социалистическом государстве пойманному с поличным разведчику ничего особенного не угрожало, но скандал мог достичь уровня Политбюро.

Присматривали даже за послом

Восточные немцы действовали жестко. Однажды полиция задержала офицера из представительства КГБ. Руководитель представительства генерал Анатолий Лазарев пожаловался на генсека Хонеккера в Москву, но проиграл, потому что Хонеккер сам пожаловался на него, и генерала отозвали.

— Мы делали то, что было необходимо, — рассказывал мне генерал

Советским властям и КГБ казалось, что западные и восточные немцы всегда будут общаться так — через стену с крыши автобуса

Виктор Буданов, который был первым заместителем главы представительства КГБ СССР в ГДР, — но никогда восточным немцам не раскрывали до конца нашу работу. Так же, как и они перед нами, к сожалению. Это более всего проявилось в последние

Немецким оперативникам помогли 170 тыс. неофициальных сотрудников — осведомителей

годы. Более того, был даже период, когда у нас возникли подозрения, что они за нами следят.

— А зачем немецкие друзья следили за своими старшими братьями — за советскими разведчиками?

— Потому что они боялись, что мы будем работать с их людьми, и приняли определенные меры. Не без оснований. Но то, что мы делали, не было нарушением соглашения о статусе представительства комитета в Берлине, которые были подписаны между КГБ и МГБ.

Немцы раздражались и в отместку подлавливали советских чекистов на разных проступках. Если кто-то увлекся выпивкой или завидел роман на стороне, немецкие братья доносили об этом в советское посольство и радовались, когда незадачливый сотрудник КГБ в 24 часа отправлялся домой. Немецкие чекисты следили не только за своими советскими коллегами, но даже за советским послом. Этим ведал сам министр госбезопасности ГДР Эрих Мильке. Наш посол в Берлине Вячеслав Кочемасов рассказывал мне, как это происходило:

— Я знал, когда меня Мильке записывал, когда перестал это делать. Вначале он следил за каждым моим шагом. Он в каждый конкретный момент знал, где я нахожусь. Еду в Вюндсдорф, в ставку нашей группы войск — он точно знал, куда и к кому я еду, сколько там пробыл, когда вернулся в Берлин. Один раз он даже похвалился тем, что он все знает обо мне. Поэтому я был с ним очень осторожен.

— Выходит, люди министра госбезопасности постоянно следили за советским послом?

— У него были свои методы наружного наблюдения, — усмехнулся Кочемасов. — Это сложнейшая система, дорогой мой! Надо было поискать такую разведку и контрразведку, как в ГДР.

Особые связи

Главным секретом руководства ГДР были тайные отношения с ФРГ. Еще в конце 1970-х посол в Бонне Валентин Фалин сообщал о неизвестных Москве интенсивных контактах между двумя Германиями: «Помимо активнейших экономических связей между ГДР и ФРГ в обе стороны идут невидимые, но мощные потоки. По всем линиям: профсоюзной, научной, технической, культурной. Но особенно важны лично-семей-

Советским властям и КГБ казалось, что западные и восточные немцы всегда будут общаться так — через стену с крыши автобуса

ные связи и межпартийные, политические — сверхтайные. Десятки, сотни эмиссаров с разными заданиями ездят взад-перед ежедневно. От нас это скрывают в первую очередь... Обратите внимание: гэдэровцы упорно отказываются принять нашу систему ГОСТ и пользуются западно-германской, общеевропейской системой стандартов».

Один из лучших знатоков Германии, Александр Богомолов, который попеременно работал то в аппарате ЦК КПСС, то в посольстве в Восточном Берлине, считал, что Эрих Хонеккер никогда и не был другом Советского Союза. К Леониду Брежневу и его соратникам генеральный секретарь ЦК СЕПГ относился без всякого пиетета. Он поставил своей целью улучшить жизненный уровень ГДР за счет денег, получаемых от Западной Германии. После критических замечаний Валентина Фалина — в узком кругу, среди своих! — в адрес Эриха Хонеккера, за ним самим установили слежку спецслужбы ГДР. Советские разведчики предупредили посла: будь поаккуратнее, помни, что находишься под прицелом. Но рычагов влияния на Берлин у Москвы не осталось.

Разговор в бане

В июне 1987 года в Дрезден приехал начальник советской разведки Владимир Крючков. Его интересовал первый секретарь окружного комитета СЕПГ Ханс Модров, перспективный политик, которому прочили большое будущее.

Ханс Модров вспоминал: «Маркус Вольф, в то время уже оставивший службу в разведке, спросил меня, не хочу ли я встретиться с ним и Крючковым за дружеским ужином. Я не был диссидентом, фракционером или уклонистом. Меня выводило из себя все возрастающий формализм, удручала атмосфера чинопочитания и пропагандистского угара. Государ-

ство поникших голов, тяжелых век, заткнутых ртов, онемевших языков, опущенных плеч. МГБ ГДР получило указание пристально присмотреться к моим связям с КПСС. Я почувствовал это по критическим оценкам Эриха Хонеккера моих «чересчур пыльных» контактов с Ленинградом, которые якобы затуманивают мой взгляд на СССР и перестройку. Откуда он мог знать, что и где я сказал?»

У Ханса Модрова сложились хорошие отношения с советским товарищами, что не нравилось руководству ГДР. «Я чувствовал, — вспоминал сам Модров, — что за мной следят, пытаюсь выяснить, как я эти контакты осуществляю и что обсуждается на этих встречах».

Присматривать за Модровым в Дрезден прислали генерала Хорста Бема, жесткого и ортодоксального офицера госбезопасности. Модров вспоминал: «Мне казалось, что Бем постоянно держит передо мной зеркало и говорит при этом: дела твои плохи, мой друг».

Быт и нравы

Представительство КГБ СССР по координации связи с Министерством государственной безопасности ГДР размещалось в помещении бывшей больницы в берлинском пригороде Карлсхорст. Сотрудники КГБ занимали большой комплекс зданий, окруженный колючей проволокой и тщательно охраняемый.

Советские товарищи находились в материальной зависимости от немецких коллег, рассказывал мне бывший начальник информационно-аналитического отдела предста-

вительства полковник Иван Кузьмин. Министерство госбезопасности ГДР организовало в Берлине закрытый магазин для советских чекистов. Но это заведение превратилось в «лавку самообслуживания» для самих немецких офицеров, которые выносили через черный ход лучшие продукты.

Служба в ГДР считалась приятной и комфортной. Особенно ценились должности, позволявшие посещать Западный Берлин с его магазинами, ресторанами и кинотеатрами. Но таких счастливых было немного.

«Западный Берлин оставался табу для большинства советских граждан, работавших в ГДР, кроме тех, кто состоял в органах разведки, — вспоминал известный дипломат Юлий Квицинский, ставший первым заместителем министра иностранных дел СССР. — Не очень приятно пришло ехать туда и нашим дипломатам, даже работавшим в группе, которая в посольстве занималась Западным Берлином... Твердили, что Западный Берлин — гнездо шпионажа».

Тогдашний начальник четвертого (немецкого) отдела внешней разведки рассказывал мне, что каждый приезд Эриха Мильке в Москву становился событием. Министр госбезопасности ГДР привозил целую телегу с колбасами и бочонками с пивом, устраивал роскошный прием. Мильке обожал получать награды. Его маленькую слабость в Москве поощряли, отметили в общей сложности шестью орденами Ленина и золотой звездой Героя Советского Союза.

«Они ничего не понимают» Министр считал себя лучшим другом Советского Союза, но покровительственно, а иногда и пренебрежительно относился к сотрудникам представительства КГБ, особенно к тем, кто не знал немецкого языка. Мильке попросили выступить перед большой группой офицеров из управления особых отделов группы войск, армейскими контрразведчиками. Он говорил три часа с небольшим перерывом, внимательно следя за реакцией аудитории. Когда командующий группой войск и глава представительства КГБ пригласили его выпить по рюмочке, министр снисходительно заметил:

«По-моему, некоторые из ваших офицеров просто ничего не понимают. Мильке был самым большим работодателем в ГДР. Аппарат Министерства госбезопасности состоял из 92 тыс. штатных сотрудников. Существовали еще офицеры особого назначения (у нас они назывались офицерами действующего резерва), и они занимали важные должности во всех серьезных госучреждениях. Оперативникам помогли еще и 170 тыс. неофициальных сотрудников, осведомителей».

«Философия министра Мильке такова, — писал бывший начальник разведки ГДР генерал-полковник

Маркус Вольф, — госбезопасность должна знать все, что происходит в стране. Из-под ее опеки не исключалась ни одна сфера, в том числе партия и ее руководящие органы».

Создали почти идеальную систему слежки за собственным народом, а революцию в собственной стране не заметили! ГДР исчезла в считанные дни. Вот уж от ГДР никто этого не ожидал! Она была самым процветающим социалистическим государством. Советские руководители любили ездить в Восточную Германию, чтобы, вернувшись, торжественно сказать: «Вот как способна работать социалистическая модель!»

И вдруг зримое доказательство правоты передовых идей исчезло с политической карты мира. Людям просто не нравилось, как устроена жизнь в стране, им надоел социалистический режим. А немецкие чекисты пребывали в уверенности, что это вражеские вылазки на деньги империалистических спецслужб, искали иностранную агентуру. Полицейские и переодетые в штатские сотрудники госбезопасности отбирали у демонстрантов плакаты с неприятными лозунгами, хватили вожаков... Так же оценивали происходящее и советские разведчики в Восточном Берлине, поэтому все происшедшее 9 ноября 30 лет назад оказалось для них сюрпризом.

***

Когда в Восточной Германии начались революционные перемены, Ханс Модров возглавил новое правительство ГДР. А генерал Хорст Бем не смог сохранить контроль над городом. 5 декабря 1989 года в Дрездене толпа захватила здание окружного управления госбезопасности. Сопротивления не встретили. Часть толпы перешла через дорогу и попыталась захватить и здание, которое занимали советские чекисты. К толпе вышел молодой офицер. Дрезденцы потом вспоминали его слова:

— Не пытайтесь проникнуть на эту территорию. Мои товарищи вооружены, и у них есть право в случае крайней необходимости применять оружие.

Это был подполковник Владимир Путин, служивший тогда в составе группы советских офицеров связи при окружном управлении госбезопасности. Толпа остановилась. Потом командующий советской 1-й гвардейской танковой Краснознаменной армией, дислоцированной по соседству, прислал солдат для охраны представительства. Надо полагать, будущий президент навсегда запомнил день, когда на его глазах в одночасье рухнула казавшаяся незыблемой политическая система и с карты исчезла целая страна.